

Глава ХІ

Поезд мчался в Чикаго. Моё сердце билось быстрее, трепеща от желания наконец воссоединиться с Беном. В этом городе мне предстояло прочесть двенадцать лекций и курс о драме. Находясь там, я наткнулась на новое литературное издание под названием Little Review («Краткий обзор»), а позже познакомилась с его редактором Маргарет Андерсон. Я почувствовала себя странницей в пустыне, который неожиданно обнаружил источник питьевой воды. Наконец нашёлся журнал, призывающий к бунту в творчестве! Little Review не хватало ясности позиции по социальным вопросам, но он живо откликался на новые формы искусства и в нём не было слащавой сентиментальности, присущей большинству американских изданий. Меня привлекла в нём, главным образом, резкая и бесстрашная критика традиционных стандартов — подобное я тщетно искала в Соединённых Штатах двадцать пять лет. «Кто она, эта Маргарет Андерсон?» — поинтересовалась я у друга, который показал мне журнал. «Очаровательная американская девушка, — ответил он. — И ей не терпится взять у тебя интервью». «Интервью давать не буду, — сказала я, — но с редактором Little Review с удовольствием познакомлюсь»

Когда мисс Андерсон приехала ко мне в отель, я вышла встретить её к лифту. Я удивилась, когда увидела шикарную светскую девушку, и, решив, что, наверное, неправильно расслышала имя, повернулась, чтобы уйти в свою комнату. «Мисс Гольдман! — воскликнула девушка. — Я Маргарет Андерсон!» Её легкомысленный внешний вид разочаровал меня, так как он сильно отличался от образа редактора Little Review, который я себе мысленно нарисовала. Я ледяным тоном пригласила её пройти в комнату, но, казалось, это ничуть не задело мою гостью. «Я зашла, чтобы пригласить вас к себе, — сказала она порывисто. — Немножко отдохнуть и расслабиться; вы выглядите уставшей, и вас всегда окружает столько людей». У неё дома мне ни с кем не придётся видаться, тараторила она, меня никто не будет беспокоить, и я смогу делать, что пожелаю. «Можете купаться в озере, гулять или просто отдыхать, — уговаривала она. — Я буду развлекать вас». Снаружи её ждал извозчик, можно было ехать немедленно. Меня ошеломила эта словесная лавина, и я сожалела о холодном приёме, который оказала этой щедрой девушке.

Маргарет Андерсон

В большой квартире с видом на озеро Мичиган помимо мисс Андерсон жили её сестра с двумя детьми и девушка по имени Гарриет Дин. Из мебели в комнате было только пианино с табуретом подле него, несколько сломанных детских кроваток, стол и пара кухонных стульев. Несмотря на то, что этому странному семейству удавалось платить без сомнения высокую арендную плату, было очевидно, что на большее денег не хватает. Каким-то невероятным образом Маргарет Андерсон и её подруге удавалось покупать для меня цветы, фрукты и лакомства.

Гарриет Дин была для меня новым типажом, как и Маргарет, при этом девушки были абсолютно не похожи. У Гарриет было спортивное телосложение, она выглядела мужеподобно, при этом вела себя сдержанно и застенчиво. Маргарет, напротив, была невероятно женственна и переполнена энтузиазмом. Несколько часов, проведённые с ней, полностью изменили моё первое впечатление и заставили понять, что под её видимым легкомыслием скрывается глубина и сила характера, которому была по плечу любая цель в жизни, какую бы она ни стремилась достичь. Вскоре я поняла, что девушками двигало не чувство социальной несправедливости, как, например, молодой русской интеллигенцией. Будучи сильно разобщёнными, они вырвались из оков уюта среднего класса, чтобы освободиться от семейного рабства и буржуазной традиции. Я сожалела, что им не хватает социального сознания, но как борцы за своё освобождение Маргарет Андерсон и Гарриет Дин укрепили мою веру в потенциал Америки.

Пребывание у них было интересным и умиротворяющим. Я была счастлива найти двух молодых американок, которые серьёзно интересовались современными идеями. Мы проводили время за беседами и спорами. Вечером Маргарет играла на пианино, а я пела

русские народные песни или пересказывала девушкам случаи из жизни.

Игра Маргарет не была академичной. В её манере исполнения присутствовали оригинальность и колорит, которые проявлялись, если среди слушателей не было незнакомцев. В такие минуты ей удавалось передать всю глубину и яркость своих эмоций. Музыка всегда трогала меня до глубины души, но игра Маргарет оказывала особое воздействие, словно вид моря, который всегда волновал меня. Я так и не научилась плавать и боялась воды, но на пляже меня переполняло желание встать перед прибоем и погрузиться в объятия волн. Когда бы я ни слышала игру Маргарет, меня охватывало похожее ощущение тревожного влечения. Дни, проведённые в их доме на озере Мичиган, пролетели быстро, но и в оставшееся время в Чикаго Маргарет и Динзи никогда не покидали меня надолго.

Благодаря Маргарет я познакомилась с большинством авторов Little Review, в том числе с Беном Хектом⁴⁴, Маквеллом Боденхаймом⁴⁵, Цезарем⁴⁶, Александром Кауном, Алленом Таннером⁴⁷ и другими. Все они были способными писателями, но ни один не обладал всепоглощающим задором и дерзостью Маргарет Андерсон.

Гарриет Монро из Poetry Magazine («Поэтического журнала») и Морис Браун из Малого театра вращались в тех же кругах. Меня особенно заинтересовал новый драматический опыт мистера Брауна. Он обладал талантом и искренностью, но был слишком старомоден, чтобы сделать Малый театр по-настоящему влиятельным. Греческая драма и классики, бесспорно, представляют большую ценность, часто говорила я ему, но в наши дни интеллектуалы предпочитают драматическое выражение проблем современного человека. На самом деле никто в Чикаго, кроме труппы мистера Брауна и узкого круга поклонников, не знал о существовании Малого театра. Жизнь просто прошла мимо. И это было тем более досадно, что Морис Браун очень серьёзно подходил к делу.

В этот приезд в Чикаго мне посчастливилось послушать замечательную музыку. Перси Грейнджер, Алма Глак, Мэри Гарден и Казальс в то же время давали концерты в городе. Услышать столько выдающихся артистов в одном месте было редким удовольствием.

Алма Глак захватила меня с первых аккордов. Еврейские напевы особенно выгодно представляли всю широту диапазона её роскошного голоса. Шесть тысяч лет страданий до горечи реалистично воплотились в её восхитительном пении.

Мэри Гарден я уже видела раньше. Как-то в Сент-Луисе ей было отказано в праве выступать в театре из-за её исполнения Саломеи, которое моралисты объявили непристойным. Кто-то из журналистов сравнил борьбу Мэри Гарден за право на самовыражение с аналогичной борьбой Эммы Гольдман, и Мэри выступила с похвалой в мой адрес. Она сказала, что ничего не знает об анархизме и о моих идеях, но восхищается моей борьбой за свободу. Я написала ей в знак признательности. В ответ она попросила меня дать ей знать, если я в следующий раз окажусь с ней в одном в городе. Позднее, в Портленде, Мэри узнала меня в первом ряду, когда поклонники вручали ей огромную корзину роз. Подойдя к краю сцены, она выбрала самые крупные красные розы и бросила их мне на колени с воздушным поцелуем. Много лет назад, в 1900 году, в Париже она порадовала меня исполнением «Луизы» Шарпантье и

«Таис» Массне. Но никогда я не видела её настолько прекрасной и пленительной, как в опере «Пеллеас и Мелизанда», которую я слушала с Маргарет Андерсон в концертном зале Чикаго. Мэри была воплощением молодости, искренности и естественности, которые изящно сочетались в ней.

Самым замечательным музыкальным событием за время моего пребывания в Чикаго стало выступление испанского виолончелиста Казальса. Я всегда любила виолончель, но пока я не услышала этого кудесника, я мало что знала о возможностях этого инструмента. Прикосновения Казальса раскрыли все её богатства, заставили виолончель трепетать, словно человеческая душа, и петь бархатным голосом.

Неожиданно пришла шокирующая новость об убийствах рабочих в Ладлоу, штате Колорадо, расстреле бастующих и сожжении женщин и детей в их палатках. Пламя Ладлоу разгоралось до небес, лекции о драме стали вдруг несущественными.

Шахтёры южного Колорадо бастовали уже несколько месяцев. Колорадская топливная и сталелитейная компания, синдикат Рокфеллера, обратилась к Государству за «защитой», в то время как сама завозила в угольный регион головорезов и боевиков. Шахтёров выселили из лачуг, которые принадлежали компании. Вместе с жёнами и детьми они устанавливали палатки и готовились к долгой зиме. Интересы Рокфеллера вынудили губернатора Аммона послать милицию для «наведения порядка».

Развалины протестного лагеря в Ладлоу после нападения национальной гвардии.

Прибыв в Денвер с Беном, я узнала, что рабочие лидеры готовы принять средства, которые я соберу на лекциях, но не хотят придавать огласке тот факт, что они каким-то образом связаны со мной. Больше никакой поддержки от своих товарищей в Ладлоу я не получила. Власти не позволяют мне приехать в город, писали они, и даже если я всё же попаду туда, пресса заявит, что я причастна к организации забастовки. Было больно понимать, что меня не желают видеть люди, ради которых я работала всю жизнь.

К счастью, у меня была независимая площадка для выступлений, Mother Earth и мои лекции. Со сцены я смогу свободно осудить злодеяния в Ладлоу и обратить внимание рабочих на урок, который стоит извлечь из этих событий. Мы начали проводить митинги, и за две недели мне удалось доказать, что несколько активистов, исполненных идеализма, могут привлечь больше внимания к насущным социальным проблемам, чем крупные организации, которым не хватило смелости высказаться. Мои лекции помогли придать гласности событиям в Ладлоу. Ладлоу, Уитланд, вторжение федеральных войск в Мексику — всё это были звенья одной цепи. Я говорила об этом аудитории, насчитывающей тысячи людей, и нам удалось собрать много денег на различные кампании.

По приезду в Денвер мы обнаружили, что двадцать семь парней из ИРМ находятся в тюрьме. Их арестовали за участие в кампании за свободу слова и пытали в карцере за отказ работать на каменоломне. Наша кампания в их защиту увенчалась успехом. По освобождении они прошли по улицам с транспарантами и песнями до нашего зала, где их приняли в духе товарищества и солидарности.

Интересным событием во время пребывания в Денвере стало моё знакомство с Джулией Марлоу Созерн и Густавом Фроманом. Мы обсуждали современные пьесы. Фроман был уверен, что театральной публике они не интересны, а я доказывала, что в Нью-Йорке есть и другой зритель, более интеллигентный и благодарный, чем завсегдатаи бродвейских постановок. Эта публика, настаивала я, поддержит театр, в котором будут ставить драмы Ибсена, Стриндберга, Гауптмана, Шоу и русских драматургов. Я вызвалась доказать, что театр с постоянной труппой, в котором цены варьируются от пятидесяти центов до полутора долларов, может быть самокупаемым. Мистер Фроман считал меня непрактичной оптимисткой. Однако он заинтересовался предложением и пообещал ещё раз обсудить со мной этот вопрос, когда мы оба вернёмся в Нью-Йорк.

Я видела мисс Марлоу и Е. Х. Созерна в «Потонувшем колоколе» Герхарта Гауптмана. Мне не понравилась роль Генриха, но Джулия Марлоу в роли Раутенделейн была величественна, равно как и в роли Катарины в «Укрощении строптивой», а также Джульетты. В то время мисс Марлоу, вероятно, приближалась к сорока. Она была тяжеловата для ролей молодых девушек, но её превосходная игра ни разу не разрушила иллюзию реальности характера Раутенделейн, проворной, дикой натуры, или простодушной наивности Джульетты, совсем ещё девочки.

Созерн был скованный и безынтересный, но Джулия восполняла все своим обаянием, грацией и естественностью. Она посылала мне цветы и сердечный привет на лекции, чтобы «скрасить обязанность всегда быть на виду». Ей было хорошо известно, как это иной раз сложно.

Пока мы с Беном были заняты нашими делами на Западе, Саша развернул напряжённую деятельность в Нью-Йорке. Вместе с Фитци, Леонардом Эбботом, товарищами из анархистских групп и молодыми членами Школы Феррера он руководил движением безработных и антимилитаристской кампанией. Их настойчивая борьба за свободу слова в Нью-Йорке обернулась неоднократными разгонами их собраний конной полицией, которые сопровождались невероятной жестокостью и насилием. Но их упорство и неповиновение

произволу официальных требований, в конце концов, повлияло на общественное мнение, и они отвоевали себе право собираться на Юнион-сквер без разрешения полиции. Из Сашиных кратких посланий я могла получить только общее представление о том, что происходит в Нью-Йорке, но вскоре газеты наполнились статьями о работе Антимилитаристской лиги, которую основал Саша, и о демонстрациях в защиту шахтёров Ладлоу, которые прошли в Нью-Йорке и Тэрритауне, цитадели Рокфеллера. Мне было приятно видеть, как былой боевой дух возвращается к Саше, и наблюдать за его выдающимся талантом организатора и лидера.

Деятельность в Нью-Йорке закончилась многочисленными арестами, в том числе Бекки Эдельсон и нескольких парней из Школы Феррера. Саша писал, что Бекки прекрасно выступила в суде, где защищалась самостоятельно. После обвинительного приговора она объявила голодовку на двое суток в знак протеста. Это была первая голодовка политического заключённого в Америке. Я всегда знала, что Бекки очень смелая, хотя меня долгие годы раздражала её безответственность и нестабильность в личной жизни. Поэтому я была очень рада узнать, что она проявила подобную силу характера. Часто исключительный момент выявляет в человеке неожиданные качества.

Либеральные и радикальные группы Нью-Йорка вместе протестовали против бойни в Ладлоу. «Безмолвный парад» перед офисом Рокфеллера, который организовали Эптон Синклер48 с женой, и многие другие демонстрации обратили внимание жителей Востока на ужасающую ситуацию в Колорадо.

Я жадно просматривала газеты из Нью-Йорка. О Саше я не волновалась, потому что знала, каким надёжным и хладнокровным он бывает в минуты опасности. Но я хотела быть рядом с ним, в моём любимом городе, принять участие в этих волнующих событиях. Однако обязательства держали меня на Западе. Затем пришло известие о взрыве в доходном доме на Лексингтон-авеню, который унёс с собой жизни трёх мужчин — Артура Кэррона, Чарльза Берга и Карла Хэнсона — и неизвестной женщины. Имена были мне незнакомы. Пресса была переполнена дичайшими слухами. Сообщалось, что бомба предназначалась для Рокфеллера, на которого ораторами нью-йоркских митингов была возложена прямая ответственность за кровопролитие в Ладлоу. Вероятно, преждевременный взрыв спас ему жизнь, писали газеты. Сашино имя упоминалось в связи с этим делом, полиция искала его и владелицу квартиры на Лексингтон, нашу соратницу Луизу Бергер. Пришла весточка от Саши, он писал, что трое мужчин, погибших в результате взрыва, были его товарищами, с которыми он сотрудничал во время кампании в Тэрритауне. В ходе демонстрации на Юнион-сквер их сильно избил полиция. Саша писал, что бомба могла предназначаться Рокфеллеру, но в любом случае эти люди держали свои намерения при себе, поскольку ни он, ни кто-либо ещё не знал, как произошёл взрыв.

Товарищи-идеалисты мастерили бомбу в переполненном доходном доме! Такая безответственность ошеломила меня. Но в следующую секунду я вспомнила о похожей ситуации в моей собственной жизни. Воспоминания нахлынули и парализовали меня ужасом. Я видела свою маленькую комнату в квартире Пеппи на 5-й улице: ставни закрыты, я наблюдаю, как Саша экспериментирует с бомбой. Я заглушала страх за жильцов, которые могут пострадать от несчастного случая, твердя себе, что цель оправдывает средства. С

мучительной ясностью я переживала ту нервную неделю в июле 1892 года. В пылу фанатизма я поверила, что цель оправдывает средства! Понадобились годы опыта и страданий, чтобы освободиться от этой идеи. Акты насилия, совершённые в знак протеста против нестерпимой социальной несправедливости, я по-прежнему считала неизбежными. Я хорошо понимала, какие душевные порывы стали причиной attentатов, которые совершили Саша, Бреши, Анджиолилло, Чолгош и другие люди, жизнь которых я изучала. На этот шаг их толкнули великая любовь к человечеству и обострённое чувство справедливости. Я всегда занимала их сторону в борьбе против любых форм организованного угнетения. Но хотя я была солидарна с людьми, прибегающих к крайним мерам ради протеста против социальных преступлений, я всё же чувствовала теперь, что никогда больше не смогу участвовать в подобном или оправдывать методы, ставящие под угрозу жизнь невинных людей.

Я беспокоилась о Саше. Он был вдохновителем этой масштабной кампании на Востоке, и я боялась, что полиция заманит его в свои сети. Мне хотелось вернуться в Нью-Йорк, но Сашины письма останавливали меня. Он писал, что находится в полной безопасности, и рядом много людей, готовых ему помочь. Ему удалось получить тела погибших товарищей для кремации, и он планировал провести масштабную демонстрацию на Юнион-сквер. Власти однозначно заявили прессе, что никаких публичных похорон они не допустят. Все радикальные группы, включая ИРМ, отвергли предложение участвовать в Сашиной затее. Даже Билл Хейвуд предостерег его от осуществления данного плана, потому что это «однозначно спровоцирует ещё одно 11 ноября». Но Сашину группу было невозможно запугать. Он публично заявил, что берёт на себя всю ответственность за всё, что может произойти на митинге при условии, что полицейские останутся за периметром демонстрации.

Публичные похороны состоялись, несмотря на официальный запрет. На Юнион-сквер бурлила толпа в двадцать тысяч человек. В последний момент полиция решила не позволить Саше, который должен был возглавить демонстрацию, пройти на площадь. Сыщики и журналисты осаждали наш дом. Саша вышел на крыльцо поговорить с ними, и те попросили его показать урну с кремированными останками жертв трагедии на Лексингтон-авеню. Он вернулся в дом, а затем улизнул через заднюю дверь и соседние дворы. Он заранее позаботился о том, чтобы нанятый красный автомобиль ждал его на соседней улице. На бешеной скорости они помчались на Юнион-сквер. Толпа заполнила все подходы к площади за несколько кварталов. Казалось, к сцене пробраться невозможно. Но не успел Саша открыть дверь машины, как полицейские — в порыве рвения они, несомненно, приняли автомобиль за машину начальника пожарных — подобострастно расчистили проезд через всю толпу до самой сцены. Когда Саша вышел, офицеры были поражены, увидев, кто на самом деле был в машине. Он быстро поднялся на сцену. Полиции было слишком поздно что-то предпринимать, не рискуя спровоцировать кровавую бойню.

Выступление Александра Беркмана на Юнион-Сквер

Теперь останки погибших товарищей, писал Саша, хранились в специально сделанной урне в форме сжатого кулака, вырывавшегося из недр земли. Урну выставили в редакции Mother Earth, которую украсили венками и красно-чёрными знамёнами. Тысячи людей прошли через наше жилище, чтобы отдать дань уважения Кэррону, Бергу и Хэнсону.

Я была рада узнать, что опасная ситуация в Нью-Йорке разрешилась благополучно. Но когда я получила июльский номер Mother Earth, то была возмущена его содержанием. Там были дословно приведены выступления ораторов на Юнион-сквер; за исключением текстов Саши, Леонарда Эббота и Элизабет Герли Флинн, это были довольно жестокие речи. Я старалась не публиковать в журнале подобные высказывания, а теперь весь номер был полон разглагольствований о насилии и динамите. Я так разозлилась, что мне захотелось сжечь весь тираж. Но было слишком поздно — журнал уже дошёл до подписчиков.

Усилия одного человека в Портленде, штат Орегон, оказали такое влияние на жизнь его общества, которое по силе едва ли можно было сравнить с событиями в других американских городах. Я имею в виду своего друга Чарльза Эрскина Скотта Вуда. По своему положению он принадлежал к ультраконсервативным кругам, однако находился в решительной конфронтации к социальному слою, из которого происходил сам. Лишь благодаря его усилиям Публичная библиотека была предоставлена такой опасной персоне, какой считали меня. Мистер Вуд вёл мою первую лекцию на тему «Интеллектуальные пролетарии», и его присутствие привлекло громадную аудиторию.

Портленд корчился в муках из-за сухого закона. Моё выступление на тему «Жертвы морали», затрагивающее этот вопрос, закончилось скандалом. Это был один из самых захватывающих вечеров в моей публичной карьере. Сторонники и противники закона чуть не подрались.

На следующий день к мистеру Вуду зашёл неизвестный и попросил продать ему рукопись моей лекции — не ту часть, где я говорю о подавлении секса, а ту, где я высказываюсь о праве взрослых людей выбирать, что им пить. Человек представлял Лигу владельцев баров, и его организация хотела использовать мои записи в качестве пропаганды в своей кампании против сухого закона. Мистер Вуд ответил, что передаст мне это предложение, но предупредил, что я «эксцентричная особа» и, скорее всего, не позволю опубликовать лишь половину лекции. «Но мы заплатим, — воскликнул посетитель. — Любую сумму!» Разумеется, я отказалась представлять интересы Лиги владельцев баров.

Власть монтанских медных королей, которую преданно поддерживала католическая церковь, превратили Бьютт и другие металлургические города штата в бесплодные земли. Исключение составляло радушное гостеприимство моих друзей, Энни и Эйба Эдельштадтов (последний был братом нашего почившего поэта). Боссы усовершенствовали систему шпионажа. Рабочих окружали шпики не только на заводах, но и в свободное время. «Сыщики» отслеживали каждый шаг рабочих и составляли детальные отчёты об их поведении. В результате эти современные рабы боялись рассердить своих хозяев и потерять работу. Ситуацию усугубляла реакция в рядах профсоюзов. Западная федерация шахтёров, которая долгие годы боролась с коррумпированными и беспринципными чиновниками, помогла заглушить голос рабочего протеста. Но давление сверху порождает бунт. Прорыв должен был произойти. Вздурораженные рабочие взорвали Зал профсоюзов, вывезли его лидеров из города и создали новый союз на революционных началах.

В Бьютте нас приветствовала новая атмосфера. Не требовалось особых усилий, чтобы привлечь внимание к лекциям. Люди пришли в большом количестве и открыто демонстрировали свою независимость. Они бесстрашно задавали вопросы и участвовали в обсуждении. Если в зале присутствовали «шпионы», то о них не было известно рабочим, которые в противном случае быстро бы с ними расправились.

Примечательным также было присутствие большого количества женщин, особенно на лекции по «Контролю рождаемости». Прежде они не посмели бы поинтересоваться такими вопросами даже в приватной обстановке, а теперь появились на публичном собрании и откровенно выражали ненависть к своему положению домашних рабынь и инкубаторов для вынашивания детей. Это было необыкновенное явление, оно вдохновило меня сильнее прочих.

Все эти годы мы не могли снять в Чикаго ни одного достойного зала. Мне часто приходилось выступать в ужасных местах, зачастую в подсобных помещениях баров. Однако это не мешало так называемому высшему классу посещать мои лекции. Нередко улица перед залом была забита автомобилями, что давало возможность Вобблиз, а также некоторым моим товарищам выступать против моего «просвещения буржуев». Последнюю лекцию в Чикаго в апреле чуть не сорвал пьяный мужчина, которого принесло из пивной и который пытался распорядиться на собрании. В конце встречи к Бену подошли двое незнакомцев и оставили свои визитные карточки. Они попросили предупредить, когда я снова приеду в Чикаго, и пообещали найти более подходящее место для моих будущих лекций.

Получая много обещаний, большинство из которых никогда не были выполнены, я не особо поверила в это. И всё же я написала незнакомцам, что встречу с ними на обратном пути с Побережья. Из Бьютта я отправилась в Чикаго, где у меня также была запланирована встреча с Маргарет Андерсон и Динзи. Мужчины оказались богатым рекламным агентом и биржевым брокером! Мы обсудили, как лучше организовать курс лекций о драме, и решили забронировать декламационный зал в помещении Изящных искусств. Мужчины предложили взять на себя финансирование мероприятия, и я недоумевала, зачем они это делают, разве что они были богатыми евреями, которые любят заниматься «прогрессивной» деятельностью. Я дала им понять, что должна быть настолько же свободна в высказываниях в роскошном зале, как и в подсобке пивной. Мы договорились, что позже я сообщу им даты лекций.

Вернувшись в Нью-Йорк, я столкнулась с серьёзными материальными проблемами. Сашина деятельность по поддержке безработных наряду с антимилитаристской и ладлоуской кампаниями поглотила почти все средства, которые я высылала в редакцию из турне. Мы не смогли выполнять обязательства по Mother Earth, не говоря уже о расходах на содержание дома, который в моё отсутствие превратился в место ночлега и кормёжки для всех и каждого. Мы были должны печатнику и почтовой службе, а также всем лавочникам и швейцарам в окрестностях. Из-за напряжённой агитации, опасности и навалившейся на него ответственности, Саша находился в возбуждённом и раздражённом состоянии. Он чувствительно реагировал на мою критику и обижался, когда я касалась вопроса финансов. Я надеялась на отдых, гармонию и покой после шести месяцев постоянных выступлений и борьбы, сопровождавшей моё турне. Вместо этого меня завалило новыми заботами.

Я была ошеломлена этой ситуацией и возмущена поведением Саши. Полностью поглощённый своей пропагандой, он обо мне даже не вспомнил. Он был революционером старой закалки, всё так же фанатично верил в Дело. Его единственной заботой было движение, а я для него была всего лишь средством. Таковым он считал и себя самого, как я могла претендовать быть чем-то большим?

Саша не понимал моего негодования. Он раздражался, когда я упоминала денежные вопросы. Он потратил наши деньги на движение; оно было важнее моих лекций о драме, заявил он. Я резко возразила, что без моих лекций о драме у него не было бы денег вообще. Эта стычка расстроила нас обоих. Саша ушёл в себя.

Мой дорогой племянник Сакс и старый друг Макс были единственными, к кому я могла обратиться в этой отчаянной ситуации. Оба проявляли искреннее понимание, но ни один из них не был достаточно состоятельным, чтобы быть мне опорой в трудную минуту. Мне пришлось справляться в одиночку.

Я решила отказаться от нашего дома и объявить себя банкротом. Мой друг Гилберт Роу, которому я рассказала о своих затруднениях, посмеялся над моим невежеством. «К банкротству прибегают те, кто хочет выбраться из долгов, — сказал он. — Оно будет сопровождаться тяжбой длиной в год, а потом твои кредиторы приберут к рукам каждый пенни, что ты заработаешь до конца твоей жизни». Он был готов одолжить мне денег, но я не могла принять его щедрое предложение.

Мне пришла в голову новая идея. Я скажу печатнику всё как есть. Честность и открытость — лучший путь, решила я. Мои кредиторы оказались очень сговорчивыми. Они сказали, что не переживают о деньгах, которые я задолжала; всё зависит от того, насколько усердно я постараюсь всё исправить. В итоге мы договорились, что я буду выплачивать задолженность частями ежемесячно. Наша почтовая служба даже отказалась брать с меня долговые обязательства. «Заплатите сколько сможете и когда сможете, — сказал управляющий. — Вашего слова нам достаточно».

Я решила начать всё сначала: снять небольшую квартиру — одну комнату для редакции, другую для жилья, — принимать все поступающие приглашения читать лекции, а также практиковать строжайшую экономию, чтобы продолжать выпуск Mother Earth и свою работу. Я отправила Бену телеграмму с датами курса лекций о драме в Чикаго, а затем отправилась на поиски нового жилища. Это было изнуряющее занятие: взрыв на Лексингтон-авеню и огласка, которую получила деятельность Саши, ещё не стёрлись из памяти людей, и домовладельцы боялись. Но наконец я нашла двухкомнатную мансарду на 125-й улице и начала подготовку к переезду.

Саша и Фитци пришли помочь мне навести порядок в новой квартире, но наши отношения были натянутыми. И всё же Саша слишком глубоко укоренился в моей душе, чтобы я могла злиться на него слишком долго. Было ещё нечто, заставившее меня забыть обиды. Меня осенило, что виноват был не Саша, а я сама. Не только с момента моего возвращения из тура, но и на протяжении восьми лет, с тех пор как он вышел из тюрьмы, я была причиной всех разногласий, случавшихся между нами. Я совершила огромную несправедливость по отношению к нему. Вместо того чтобы дать ему возможность самому вернуться к жизни после освобождения, я привела его в свою среду, в атмосферу, которая его лишь раздражала. Я совершила ошибку, обычную для матерей, которые верят, будто они лучше знают, что хорошо для их дитя; опасаясь, что его уничтожит окружающий мир, они отчаянно стараются защитить ребёнка от опыта, который жизненно необходим для развития. Я совершила ту же ошибку по отношению к Саше. Я не только не призывала его жить самостоятельно, но тряслась над каждым его шагом, потому что не могла видеть, как он подвергается новым страданиям и трудностям. Но я ни от чего его не спасла, я только пробудила в нём возмущение. Возможно, он даже не подозревал об этом, но оно всегда давало о себе знать, проявляясь в той или иной форме. Саше всегда хотелось заниматься своей работой в собственном доме. Я предложила ему всё, что один человек может дать другому, но я не помогла ему получить то, чего он больше всего хотел и в чём нуждался. Этот страшный факт нельзя было игнорировать. Но теперь, когда Саша нашёл женщину, которая способна любить и понимать его, у меня была возможность всё исправить.

Я решила, что помогу ему поехать в турне по стране. Когда Саша окажется в Калифорнии, он сможет исполнить мечту об издании собственной газеты.

Фитци и Саша с радостью откликнулись на предложение о турне. Я договорилась с юной подругой Анной Барон, которая подрабатывала у нас машинисткой, чтобы она взяла на себя заботу о коммерческих вопросах редакции Mother Earth. Макс и Сакс должны были присмотреть за редакцией. На помощь пришли также Ипполит и прочие друзья. Саша воспрял духом, и между нами больше не было никаких трений.

Как-то раз ко мне зашёл мой друг Болтон Холл. Я напряжённо работала, и он, несомненно, заметил моё измождённое состояние. «Почему бы не поехать на маленькую ферму в Оссининг?» — предложил он. «Ни за что на свете, — ответила я. — Пока там этот паразит». «Какой паразит?» — удивлённо поинтересовался он. «Ну, Микки, от которого я уже несколько лет тщетно пытаюсь избавиться». «Ты имеешь в виду Германа Михайловича, робкого малого, который помогал редакции Mother Earth и работал в Центре Феррера?» «Тот самый, — ответила я. — Его притворная робость была моим проклятием долгое время». Дорогой Болтон выглядел удивлённым. «Расскажи об этом», — попросил он.

Я поведала Болтону эту историю. Герман долгое время был читателем Mother Earth, исправно платил за подписку и часто заказывал литературу. Он жил в Бруклине, но никто из нас никогда не встречался с ним. В один прекрасный день я получила письмо из Омахи, в котором у меня просили разрешения организовать там мои митинги. Оно было от Германа. - Обрадовавшись, что кто-то в этом городе предложил помощь, я телеграфировала, чтобы он действовал. По приезде туда я встретила нашего загадочного товарища, он был одет в лохмотья и выглядел оголодавшим. Бен помог ему, и мы добились освобождения Германа, когда он был арестован за распространение листовок с анонсами моих митингов. Прежде чем уехать из города, я помогла ему вступить в союз художников и найти работу. Тремя днями позже в Миннеаполисе мы неожиданно столкнулись с Германом. Он заявил, что хочет организовывать мне митинги по всему маршруту поездки. Я заверила его, что ценю это предложение, но у меня уже есть один импресарио, двоих я не потяну. Герман ничего не сказал, но когда мы добрались до следующего города, он был там, и в следующем, и в следующем тоже. От него было невозможно избавиться; он был либо впереди нас, либо шёл по пятам. Доходы от лекций не позволяли оплачивать ему железнодорожные билеты, и я боялась, как бы Герман не попал в беду, путешествуя зайцем. Он стал обузой и причинял беспокойство. В Сиэтле я не выдержала. Он сказал, что найдёт работу, если я дам ему денег на несколько недель. Я согласилась, и он торжественно пообещал остаться в Сиэтле. И кто же встречал нас в Спокане, если не Герман Михайлович? Он заявил, что не любит Запад и решил вернуться в Нью-Йорк. Герман пристал как банный лист до конца нашего турне. Он был хорошим работником, готовым сделать всё, чтобы помочь в организации митинга, и достаточно пронырлив, чтобы стать для Бена незаменимым. Я вздохнула с облегчением, когда мы, наконец, прибыли в Нью-Йорк.

Какое-то время от Германа не было никаких вестей. Потом он объявился снова, весь в лохмотьях. Он сказал, что работает в прачечной, восемнадцать часов в день за пять долларов в неделю. Посреди рассказа он упал в обморок. Мы спешно посоветовались с Сашей и Ипполитом и решили, что Герман может зарабатывать себе на пропитание, помогая редакции, и это спасло его от возвращения в прачечную и от необходимости падать в обморок. Он был умным парнем, но слава влияет на некоторых людей хуже, чем алкоголь. Поездки с нами в турне, аресты, его имя в газетах вскружили Герману голову. Всё усугубилось, когда Бен назначил его одной из своих звёзд на встрече бездомных. Герман разделил славу с Чаком Коннором, знаменитостью Чайнатауна, Садакити Гартманом, известным своими странными танцами, Хатчинсом Хэпгудом, широко известным по книгам о подонках общества, Артуром Буллардом, богемным интеллектуалом и бродягой, Беном Рейтманом, псевдокоролем Бомжелэнда, и другими обитателями социального дна.

Герман, теперь наречённый Микки, произнёс торжественную речь по этому поводу, с неоспоримой авторитетностью отзываясь о бродяжничестве как о высшем искусстве. «Повсеместно человек вынужден продавать свой труд, — заявил он. — Но на большой дороге он свободен от работы. Я обязался стать хозяином своей души. Вместо того чтобы работать на начальника, я позволю другим работать на меня, пока не смогу найти своё призвание». Его провозгласили героем, и братство приняло его в свои ряды.

На следующий день газеты должны были написать о Микки: «Ирландский еврей обязался никогда не работать». Микки парил над землёй, высоко подняв голову, выпятив грудь, презрительно глядя в лицо целому миру. В редакции он благоразумно воздержался от соблазна покичиться своей славой, пока мы с Беном не отправились в турне. Тогда он заявил, что у него есть своя жизнь, и он должен вершить великие дела. Парни тут же сообщили ему, что не вынесут такую великую важность под одной с ними крышей.

В Омахе я снова встретила Микки. Он заверил меня, что не будет обузой, он лишь хочет участвовать в моей работе. Я не могла ему в этом отказать. Микки стал моей тенью, следуя за мной по пятам из одного города в другой. Я отдавала должное его упорству, хоть он страшно действовал мне на нервы. Его присутствие стало вездесущим. Потом он начал сплетничать о моих нью-йоркских друзьях, особенно о Бене, который был с ним исключительно терпелив. Это стало последней каплей, и Микки исчез из моего поля зрения.

По возвращении в Нью-Йорк Бен принёс радостную весть, что Микки прибыл в город в тот же день, полуголодный и замёрзший после долгого странствия. «Переодень его, дай денег, кров и пищу, — сказала я. — Только не приводи его сюда, его ухаживания выше моих сил». Бен сделал, как я просила, но не переставал твердить о тяжком положении бедного Микки и в канун Рождества привёл мне его в качестве подарка. На улице бесновалась метель, а у нас была свободная комната. Как я могла выгнать несчастное создание?

Как только Микки почувствовал себя в безопасности, он снова начал проявлять своё превосходство, критиковать, упрекать и до предела испытывать всеобщее терпение. Однажды в ярости он замахнулся тростью на Сакса, которому надоело слушать его бахвальство. Моё присутствие спасло Микки от заслуженной взбучки. Я безапелляционно заявила ему, чтобы он искал себе другое место. Вернувшись домой с собрания тем вечером, мы обнаружили сломанную печь и Микки, запершегося в своей комнате. Из записки на моём столе мы узнали, что он объявил голодовку и будет держать её, пока я не разрешу ему остаться. Парни предложили силой вышвырнуть его на улицу, но я не позволила им этого сделать, надеясь, что Микки передумает. Прошло четыре дня, а он всё не выходил. Я набрала ведро воды и решительно поднялась в его комнату. Он открыл, едва услышав мой голос. Я сказала, что, если он не встанет через пять минут, я устрою ему холодный душ. Он начал рыдать и обвинять меня в жестокости. Он заявил, что любит меня больше всех, он мой истинный друг, но теперь должен умереть, ведь я не отвечаю взаимностью. Он умрёт прямо здесь, и я должна помочь ему в этом. Парни предположили, что проделки Микки были связаны с ревностью, а я посмеялась над этой глупой мыслью. Наконец-то секрет бедного Микки раскрыт! Но я осталась непреклонна. «Хорошенькая у тебя любовь, хочешь обременить меня своей смертью, — сказала я. — Ты не думаешь, что есть более стоящие вещи, ради которых можно отправиться на электрический стул?» Я велела ему встать,

принять ванну, надеть свежее бельё и что-нибудь съесть; мы позже придумаем для него лучший способ совершить самоубийство. Он попросил разрешения поехать на ферму, и я с радостью согласилась. Но оказавшись там, он стал доставать меня письмами, отправляя по два, а то и по три ежедневно, жалуясь на холод и голод и вновь угрожая покончить собой.

«Несомненно, Микки знает, что ты испытываешь угрызения совести, — дразнил меня Болтон. — И, кроме того, вспомни о его безответной любви, — добавил он с весёлым блеском в глазах. — Но я верну его с фермы целым и невредимым и обещаю не бросать в нужде». Болтон написал Микки, что узнал о его болезни и бедности и поэтому известил чиновников из богадельни: через несколько дней за ним приедет офицер. В ответном письме Микки уверял, что он не нищий и собрал достаточно денег, чтобы уехать на Побережье. Микки испарился. «Этот Микки умный малый, — заметил Болтон. — Но я и не знал, что тебе так легко навязаться».

Маленький домик в Оссининге наконец избавился от паразита, и я мечтала о так необходимом мне отдыхе. Но в этой суматохе я совершенно забыла, что молодой Дональд, сын моей хорошей подруги Герти Воуз, жил в доме, который я забросила. Саша написал мне, когда я была на Западе, что парень пришёл к нему с письмом от матери, и Саша его принял. Герти Воуз была старой бунтаркой, с которой я познакомилась в 1897 году, но я не видела её сына восемнадцать лет. Когда я снова встретила его у нас в доме, он произвёл на меня очень неприятное впечатление, наверное, из-за высокого голоса или бегающих глазок, которые, казалось, пытаются избежать моего прямого взгляда. Но это был сын Герти, он был одинок и не имел работы. Он выглядел оголодавшим и был убого одет. Я предложила ему поехать отдохнуть в домик в Оссининге. Он сказал, что намерен вернуться домой после кампании в Тэртитауне, но ждёт, пока мать вышлет ему денег на дорогу. Казалось, ему понравилось моё предложение, и на следующий день он отправился на ферму.

В новой квартире я снова взялась за дело. Приспособиться к новым условиям обычно бывает хлопотно, но мне очень помогал мой хороший друг Стюарт Керр, который снимал комнату над моим маленьким офисом. Прежде он делил с нами квартиру на 13-й Восточной улице, 210. Тактичный и деликатный по природе, Стюарт трогательно заботился о моём благополучии и был полезен во многих отношениях. Было удобно иметь такого соседа, мы двое были единственными жильцами этого небольшого дома.

Я была занята подготовкой нового курса лекций о драме, который я пообещала прочесть в Чикаго, и серии лекций о войне. Прошло три месяца с её начала в Европе. За пределами Mother Earth и нашей антимилитаристской кампании в Нью-Йорке мне не удавалось высказаться против этого кровопролития нигде на Западе, за исключением одного митинга в Бьютте, где я выступила с автомобиля перед большой толпой и осудила преступную глупость войны. Я считала, что, если бы социалисты не предали свои идеалы, этой великой катастрофы можно было бы избежать. В Германии партия насчитывала двадцать миллионов сторонников. Какая сила, способная предотвратить объявление войны! Но на протяжении четверти века марксисты учили рабочих покорности и патриотизму, учили их полагаться на парламентскую деятельность и, в частности, слепо доверять своим социалистическим лидерам. А большинство этих лидеров действовали сообща с Кайзером! Вместо того чтобы объединиться с международным пролетариатом, они призвали немецких рабочих встать на

защиту «своего» отечества, отечества людей, униженных и лишённых наследства. Вместо того чтобы объявить всеобщую забастовку и парализовать подготовку к войне, они проголосовали за то, чтобы деньги правительства направили на массовое убийство. Социалисты других стран, за некоторыми исключениями, последовали их примеру. Неудивительно, ведь немецкая социал-демократия уже несколько десятилетий была гордостью и вдохновением социалистов всего мира.

Курс о драме под патронажем двух моих богатых покровителей оказался пренеприятным опытом. Мистер Л., рекламный гений, взялся «отредактировать» анонсы, которые я ему выслала. На самом деле он полностью изменил их смысл, переиначил темы моих лекций так, будто они были рекламой жевательной резинки.

Затем случилось нечто задевшее нежные чувства моих покровителей. Первое выступление пришлось на 10 ноября, значимую для меня дату. Это был последний день жизни моих товарищей, замученных в Чикаго двадцать семь лет назад. Во введении я раскрыла тему эволюции общественного мнения по отношению к анархизму за период с 1887 по 1914 год. - Предвидение наших драгоценных усопших сбылось, подтверждая последнее пророчество Августа Шписа: «Наше молчание будет сильнее голосов, которые вы сегодня душите!» В 1887 году единственным ответом анархизму была виселица; в 1914 люди с жадностью внимали идеям, за которые отдали жизни Парсонс и его товарищи. Во время этого краткого отступления я заметила, как один из моих спонсоров, сидящий со своей семьёй в первом ряду, недовольно заёрзал на своём месте, а некоторые люди с задних рядов демонстративно покинули зал. Я как ни в чём не бывало перешла к теме вечера, к «Американской драме».

Впоследствии мои покровители сообщили Бену, что я «упустила возможность, которая даётся раз в жизни». Они убедили «богатых и влиятельных людей Чикаго, среди которых были даже щедрые Розенвальды», прийти на мои лекции. Они помогли бы материально обеспечить мою работу в области драмы до конца жизни, а затем «Эмме Гольдман понадобилось в десять минут испортить всё, ради чего пришлось работать несколько недель».

Я чувствовала, будто меня поставили на панель торговать своим телом. Этот инцидент подействовал на меня удручающе. Как бы я ни старалась, я не могла с прежним энтузиазмом выступать на последующих лекциях о драме. Другое дело тема войны. В собственном зале, без каких-либо обязательств перед кем бы то ни было я могла свободно выражать своё отвращение к кровопролитию и откровенно обсуждать любой аспект этого социального вопроса. По окончании курса о драме мы возместили расходы моим «покровителям». Я не жалела об этом опыте: он научил меня, что любой патронаж парализует честность и независимость.

Очарования моему визиту в Чикаго придали две молодые подруги Маргарет и Динзи. Обе полностью посвятили себя мне и приспособили редакцию Little Review под мои нужды. Девушки были бедны как церковные мыши, не были уверены, когда им удастся поесть в следующий раз, и тем более не были способны платить печатнику или владельцу дома. Тем не менее на столе всегда стояли свежие цветы, призванные поднять мне настроение. С тех

незабываемых весенних дней, которые я провела с Маргарет, когда мы обе наслаждались гостеприимством мистера и миссис Роу в их доме в Пелхэм-Мэнер, что-то новое и драгоценное возникло между нами. Три недели ежедневного общения, её тонкое понимание и интуиция усилили нашу взаимную привязанность.

В Чикаго было мило, но я не могла там задерживаться. Другие голоса призывали меня вновь приниматься за борьбу. Мне ещё предстояло посетить множество городов. Саша и Фитци уехали в своё турне, и мне нужно было срочно возвращаться домой.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 18 апреля 2025 20:03:06

██████████ ██████████ обновил 18 апреля 2025 20:05:07